

**Виниченко Юлия Варазатовна,
канд. юрид. наук, доцент кафедры
гражданского права и процесса БГУЭП**

О гражданском обороте исключительных прав на охраняемые результаты интеллектуальной деятельности

В сферу наших научных интересов входит широко используемая в цивилистике категория «гражданский оборот», единство в понимании которой на настоящий момент в науке и практике отсутствует. С введением в действие части четвертой ГК РФ в позитивном праве появились нормы, способные повлиять на понимание гражданского оборота, что и обусловило необходимость данного исследования. Однако прежде чем говорить о гражданском обороте исключительных прав на охраняемые результаты интеллектуальной деятельности, следует определиться терминологически и хотя бы в общем виде указать значения таких «исходных» для нас терминов как «исключительное право» и «гражданский оборот».

Законодательное понимание исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности с вступлением в силу Ч. 4 ГК, как известно, значительно изменилось ввиду разграничения понятий «интеллектуальная собственность» и «исключительные права». Так, утратившая с 01.01.2008 г. силу ст. 138 ГК являлась основанием для их отождествления. Ныне по смыслу п. 1 ст. 1225 ГК интеллектуальная собственность – это уже не право, а именно сами результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий (причем их перечень сформулирован как исчерпывающий). На указанные результаты интеллектуальной деятельности за гражданами и юридическими лицами признаются интеллектуальные права, центральное место среди которых занимает исключительное право (ст. 1226 ГК)¹.

В свете вопроса о новом законодательном понимании интеллектуальной собственности обращает на себя внимание перечень объектов гражданских прав, содержащийся в ст. 128 ГК. А именно, ныне среди них помимо

информации непосредственно не названы исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности. Несмотря на это стоит отметить, что *исключительные права на интеллектуальную собственность по-прежнему следует включать в число объектов гражданских прав, но только в рамках другой рубрики – «имущественные права»*. Подтверждается данное обстоятельство, во-первых, прямым указанием закона на имущественный характер исключительного права (ст. 1226 ГК), и во-вторых, предусмотренной возможностью правообладателя распорядиться принадлежащим ему исключительным правом (ст. 1233 и др. ГК): имущественное исключительное право на результат интеллектуальной деятельности является здесь ничем иным как объектом права распоряжения. Если исходить при этом, что право распоряжения – есть элемент содержания (т. е. правомочие либо субправомочие) субъективного исключительного права, норма ст. 1233 ГК представляет собой частный случай легально закреплённой в ст. 128 ГК конструкции «право на право»².

Что касается понятия «гражданский оборот», то норм, специально посвященных определению его содержания в отличие от исключительного права в гражданском законодательстве нет. Вместе с тем определенные контуры данного понятия очерчены законодателем в ст. 129 ГК «Оборотоспособность объектов гражданских прав», норма п. 1 которой гласит: «Объекты гражданских прав могут свободно отчуждаться или переходить от одного лица к другому в порядке универсального правопреемства (наследование, реорганизация юридического лица) либо иным способом, если они не изъяты из оборота или не ограничены в обороте». Таким образом, закрепляя общее правило *оборотоспособности* объектов гражданских прав и делая это посредством установления возможности *отчуждения* или *перехода* этих объектов, законодатель дает основание для понимания «оборота» как отчуждения и перехода объектов гражданских прав от одного лица к другому. А устанавливая, что объекты гражданских прав могут отчуждаться или переходить от одного лица к другому в порядке *правопреемства*, законода-

тель определяет, что «оборачиваются» не сами объекты гражданских прав, а *права* на них (ну, очевидно, и обязанности).

Нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что формулировка п. 1 ст. 129 ГК позволяет вывести нормативное определение понятия «оборот», а не «гражданский оборот». Однако *термин «оборот»*, нуждающийся в отграничении от термина «гражданский оборот» с позиций доктрины (как соотношение родового и видового), при толковании *правовых норм*, на наш взгляд, *следует понимать в том же значении, что и термин «гражданский оборот»*. При этом мы исходим из существующей в науке концепции об отсутствии тождества гражданского оборота и оборота в экономическом смысле³. На указанном разграничении экономического (торгового) и гражданского оборотов покоится другой, неоднократно высказываемый в цивилистической литературе, тезис: что объектом гражданского оборота являются именно субъективные права, а не сами объекты гражданских прав (т. е. не те или иные блага, а имущественные права на эти блага; блага же выступают объектами экономического оборота)⁴. Таким образом, поскольку гражданский оборот представляет собой оборот *прав* (обязанностей), а в п. 1 ст. 129 ГК говорится об отчуждении и переходе объектов в порядке *правопреемства*, следует заключить, что несмотря на использование термина «оборот» в ст. 129 ГК имеется в виду именно гражданский оборот. Учитывая, что содержащаяся в указанной статье норма по сфере применения является общей, из указанного значения «оборота» необходимо исходить при толковании всех иных норм, содержащих данный термин.

Во всяком случае, при рассмотрении оборота исключительных прав на интеллектуальную собственность отмеченное понимание является единственно возможным⁵. Ныне это прямо следует из нормативно закрепленного правила о неотчуждаемом и непередаваемом характере результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации. Являющийся новеллой гражданского законодательства п. 4 ст. 129 ГК устанавливает, что отчуждаться или иными способами переходить от одно-

го лица к другому могут: 1) либо права на такие результаты и средства, 2) либо материальные носители, в которых выражены соответствующие результаты или средства. В первом случае, при отчуждении или переходе прав, вне всяких сомнений, речь идет о гражданском обороте (т. к. субъективные права выступают именно его объектами). В случае отчуждения или перехода материальных носителей (товаров, этикеток, упаковок товаров, оборудования, прочих устройств и материалов), с одной стороны, происходит «физическая» передача названных вещей, исходя из чего можно было бы предположить, что под термином «оборот» законодатель понимает экономический (торговый) оборот. В то же время, с юридической точки зрения переход самих материальных благ от одного лица к другому является вторичным по отношению к переносу на другое лицо прав на соответствующее благо (ведь при отчуждении права на вещь сама вещь может остаться и у отчуждателя). Следовательно, отчуждение или переход того или иного материального носителя означает не простую смену его фактического владельца, но смену правообладателя. В тех же случаях, когда в законе говорится об изъятии из оборота материальных носителей, в которых выражен результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации (п. 4 ст. 1252, п. 2 ст. 1515, п. 1 ст. 1537 ГК), прежде всего, имеется в виду недопустимость отчуждения и перехода прав на них. Не будучи «физически» изъятые и уничтожены, в экономическом обороте эти объекты могут и остаться, что впрочем будет являться правонарушением. Таким образом, при отчуждении или переходе как прав на результаты интеллектуальной деятельности, так и материальных носителей, содержащих такие результаты, даже в случае использования термина «оборот» следует говорить о *гражданском* обороте, с той лишь разницей, что в одном случае его объектами будут выступать исключительные права, а в другом – вещные.

Предпринятый анализ правовой регламентации гражданского оборота исключительных прав на охраняемые результаты интеллектуальной деятельности позволил выявить и сформулировать некоторые «проблемные»,

на наш взгляд, вопросы, которые и будут рассмотрены далее. Одним из них является вопрос **о содержании понятия «гражданский оборот исключительных прав на интеллектуальную собственность»**, а именно составляют его только указанные в ст. 129 ГК случаи отчуждения и перехода этих прав либо перечень «слагаемых» содержания рассматриваемого понятия должен быть расширен? Данный вопрос, являющийся достаточно актуальным сам по себе, кроме прочего, как нам думается, будет способствовать установлению содержания и смысла гражданского оборота как такового.

Приступая к решению обозначенной проблемы, укажем, что в понимании терминов «отчуждение» и «переход» в целом нам близка позиция В. А. Белова. Так, отчуждение определяется ученым как «акт распоряжения субъективным правом, целью и результатом которого является смена его обладателя», а переход рассматривается так же как смена правообладателя, но вследствие любых иных юридических фактов, кроме акта отчуждения⁶. Как видно, общим в обоих случаях является смена правообладателя. В сфере исключительных прав на охраняемые результаты интеллектуальной деятельности указанная смена обладателя права может быть вызвана в частности такими юридическими фактами как договор об отчуждении исключительного права, наследование, реорганизация юридического лица, обращение взыскания на имущество правообладателя. Вместе с тем, некоторые сложности возникают при юридической квалификации, например, таких допускаемых законом случаев как временное предоставление либо передача части исключительного права правообладателем другому лицу, когда при возникновении исключительного права у одного лица одновременного прекращения этого права у (первоначального) правообладателя не происходит. Подлежат ли указанные случаи включению в гражданский оборот? По смыслу ст. 129 ГК – нет, т. к. смены обладателя права при этом не происходит, этих обладателей просто становится больше. В то же время, исключение подобных случаев из гражданского оборота представляется необоснованным сужением содержания последнего, поскольку «динамика», тради-

ционно отмечаемая в числе сущностных характеристик гражданского оборота, здесь безусловно присутствует⁷. На этом основании следует заключить, что *содержание понятия «гражданский оборот исключительных прав на интеллектуальную собственность» не исчерпывается случаями отчуждения и перехода этих прав*, как это следует из п. 1 ст. 129 ГК РФ, и должно включать также иные акты. На наш взгляд, к ним в частности относятся акты возникновения прав, влекущие изменение субъектного состава гражданского оборота, но не сопряженные со сменой правообладателя.

Еще одним аспектом рассматриваемой проблемы является вопрос о **моменте перехода**⁸ исключительных прав (а иначе – **о способах гражданского оборота**⁹, в частности, указанной категории прав). Если в отношении объектов патентного права и большинства средств индивидуализации определение такого момента трудностей не вызывает (им является момент государственной регистрации), то решение данного вопроса применительно к исключительным правам на произведения науки, литературы, искусства, а в отдельных случаях на топологию интегральной микросхемы (см. п. 1 ст. 1452 ГК) может оказаться весьма затруднительным.

Действующий Гражданский кодекс РФ позволяет разделить все основания перехода исключительных прав на охраняемые результаты интеллектуальной деятельности на договорные и бездоговорные¹⁰. Однако указывая на возможные основания возникновения исключительных прав, т. е. на юридические факты, вследствие которых у правоприобретателя по сути возникает лишь обязательственное притязание об установлении права, законодатель не всегда устанавливает те факты, с которыми непосредственно связывается само приобретение права, т. е. момент их возникновения¹¹. Так, посвящая самостоятельную статью ГК переходу исключительных прав к другим лицам без договора (ст. 1241), ключевой с позиций права вопрос о моменте (способах) такого перехода законодатель обходит молчанием.

Бóльшая ясность наблюдается в случае приобретения исключительных прав на основании договора: норма п. 4 ст. 1234 ГК диспозитивно уста-

навливает, что исключительное право на не подлежащий государственной регистрации результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации переходит от правообладателя к приобретателю в момент заключения договора об отчуждении исключительного права. При этом, однако, необходимо учесть п. 1 этой же статьи, в соответствии с которым по договору об отчуждении исключительного права правообладатель *передает* или *обязуется передать* принадлежащее ему право приобретателю, т. е. этот договор может быть как реальным, так и консенсуальным. Исходя из нематериального характера подлежащего отчуждению исключительного права и принимая во внимание прямое указание ст. 1227 ГК, что интеллектуальные права не зависят от права собственности на вещь, в которой выражены соответствующие объекты, в литературе вполне справедливо и обоснованно критикуется использование законодателем в данном случае конструкции реального договора¹². Иными словами, подобный договор может быть только консенсуальным и моментом его заключения является момент достижения сторонами соглашения по всем существенным условиям (п. 1 ст. 432 ГК). Если сторонами не предусмотрено иное, именно этот момент и следует считать моментом перехода исключительных прав от одного лица к другому.

Случаи, когда договор об отчуждении заключен, но исключительное право не перешло к приобретателю, могут иметь место, например, когда стороны решили отсрочить его переход, либо при отсутствии требуемой законом государственной регистрации заключенного договора. Если приобретатель права в подобных случаях нарушает свою обязанность по выплате в установленный договором срок вознаграждения за приобретение исключительного права, правообладатель на основании абз.2 п.5 ст.1234 ГК в одностороннем порядке может отказаться от договора и потребовать возмещения убытков, причиненных расторжением договора. Но может и не отказаться; тогда вопрос о моменте перехода исключительного права при отсутствии в договоре прямого указания на такой момент вновь остается открытым.

Перечень вопросов, связанных с гражданским оборотом исключительных прав на охраняемые результаты интеллектуальной деятельности, но непосредственно не урегулированных законодателем может быть продолжен. Нашей задачей и не являлась исчерпывающая характеристика обозначенной темы: это не позволяют рамки работы; кроме того, удачное освящение некоторых аспектов может быть предпринято лишь в контексте решения более общих цивилистических проблем, к рассмотрению которых мы обязательно обратимся в ходе нашего дальнейшего исследования.

Примечания:

¹ Анализ действующих правовых норм (в частности ст.ст. 1227, 1229, 1230 ГК) позволяет охарактеризовать исключительное право как такое субъективное гражданское право, которое: имеет имущественный и по общему правилу срочный характер; не зависит от права собственности на материальный носитель (вещь), в котором выражен результат интеллектуальной деятельности; позволяет правообладателю использовать соответствующий объект права по своему усмотрению любым не противоречащим закону способом, а также распоряжаться правом на такой объект и допускает использование интеллектуальной собственности третьими лицами только с согласия правообладателя. Учитывая авторитетное мнение В. А. Дозорцева, мы исходим из понимания исключительных прав как абсолютных (См.: Дозорцев, В. А. Понятие исключительного права // Проблемы современного гражданского права: сб. статей. М., 2000. С. 287–288).

² О допустимости этой конструкции см.: Туктаров, Ю. Е. Имущественные права как объекты гражданско-правового оборота // Актуальные проблемы гражданского права: сб. статей. Вып. 6 / под ред. О. Ю. Шиловцова. М., 2003. С. 129–136.

³ См., напр.: Братусь, С. Н. О понятии гражданского оборота в советском гражданском праве: доклад в ВИЮН // Советское государство и право. 1949. № 11. С. 71; Красавчиков, О. А. Советский гражданский оборот (понятие и основные звенья) // Вопросы гражданского, трудового права и гражданского процесса. Т. V. М., 1957. С. 10.; Муромцев, С. Гражданское право Древнего Рима. М., 1883. С. 47.

⁴ См., напр.: Красавчиков, О. А. Указ. соч. С. 26; Туктаров, Ю. Е. Указ. соч. С. 112 и сл.; Белов, В. А. Объект субъективного гражданского права, объект гражданского правоотношения и объект гражданского оборота: содержание и соотношение понятий // Объекты гражданского оборота: сб. статей. М., 2007. С. 68–77.

⁵ Заметим, что в части четвертой ГК термин «гражданский оборот» используется гораздо чаще в сравнении с термином «оборот» (первый из них 21 раз, второй – только 6); для сравнения, в части первой ГК указание на «гражданский оборот» сделано только дважды.

⁶ См.: Белов, В. А. Отчуждение и приобретение по российскому гражданскому кодексу (понятийно-терминологическая сторона вопроса) // Законодательство. 2006. № 7. С. 8–14; Белов, В. А. Объект субъективного гражданского права, объект гражданского правоотношения и объект гражданского оборота: содержание и соотношение понятий. С. 74–75.

⁷ Допустимость включения приведенных примеров в гражданский оборот подтверждает и лексическое значение термина «оборот». В русском языке он означает в том числе «употребление, использование» (см.: Толковый словарь русского языка. М., 1999. С. 435). В юриспруденции же «использование» связано с правом пользования и может заключаться либо в реализации управомоченным данной возможностью, либо в ее приобретении. Причем приобретение этой возможности в указанных случаях будет осуществляться не в первоначальном, а в производном порядке (т.е. не в силу создания нового объекта-результата интеллектуальной деятельности, а на основании договора).

⁸ В зависимости от научного подхода речь может идти не о переходе права, а о прекращении права у одного лица и возникновении аналогичного по содержанию права у другого лица.

⁹ См.: Хаскельберг, Б. Л. Основания и способы приобретения права собственности: общие положения // Цивилистические исследования: Ежегодник гражданского права. Вып. 2-ой (2005) / под ред. Б. Л. Хаскельберга, Д. О. Тузова. М., 2006. С. 348 и сл.

¹⁰ Ср.: ст.ст. 1233–1240 и ст. 1241 ГК.

¹¹ Б. Л. Хаскельберг, позиция которого здесь представлена, разграничивает указанные виды фактов как «основания» и «способы» приобретения права. Несмотря на то, что ученый говорит при этом о праве

собственности, применение данной концепции к исключительным правам представляется вполне допустимым исходя из «родственного» абсолютного характера вещных и исключительных прав.

¹² См., напр.: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (постатейный). Часть четвертая / Э. П. Гаврилов, О. А. Городов, С. П. Гришаев и др. М., 2007. С. 30–31; Кастальский, В. Н. Основные новеллы Части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации. М., 2007. С. 11–12.